

Богоборчество и Христорчество.

Русская душа — темна и загадочна...

Главная ее черта — поразительная антиномичность: въ ней какъ то странно, непонятно для западнаго европейца, уживаются одновременно, «нераздельно и неслиянно», самые кричащія противорѣчія, самыя противоположныя начала. Мы найдемъ въ душѣ каждаго русскаго человѣка и Востокъ и Западъ, свѣтъ и тьму, «*bête humaine*» и «богоносца», яркое дерзаніе и тупой фатализмъ, идеаль «содомскій» и идеаль «марсовъ»...

Пламенный Серафимъ Саровскій и мрадный Гришка Распутинъ, великій государственный Петръ и буйно-анархическій Стенька Разинъ, научный гений Ломоносова и яростное научно-борчество Льва Толстого, свѣтлый міръ пушкинской поэзіи и темная карамазовская стихія Достоевскаго, нѣжно-тонный Левитанъ и ярко-грубый Рѣпинъ, заоблачный Скрябинъ и реально-будничныи Мусоргскій — все это одна и та же Русь, все это одинаково родная намъ и единая стихія.

Однимъ изъ такихъ типичныхъ выразителей національной русской психики слѣдуетъ признать Вас. Вас. Розанова. У него очень много враговъ, немало и почитателей. Но какъ бы ни отнестись къ нему, нельзя отрицать въ Розановѣ крупной литературной и философской величины.

Его новые, выходящія сейчасъ въ Сергеевомъ посадѣ періодическіе сборники «Апокалипсисъ нашихъ дней», полны обычной оригинальности, блещутъ глубокими и сильными мыслями. Въ нихъ — новый этапъ «идеологій» Розанова.

Свою литературную карьеру Розановъ началъ обширнымъ чисто философскимъ трудомъ «О пониманіи», гдѣ очень характерно проявляется неудовлетворенность разобщенностью науки и философіи и стремленіе къ достиженію цѣльнаго знанія. Затѣмъ юный писатель становится плечомъ славянофильскаго гнѣзда. Но въ то же время его неукротимо влекутъ къ себѣ и прямо противоположные славянофильству идеалы извѣстнаго К. Леонтьева, — убѣжденнаго врага славянства, мрачнаго ортодокса и «византиниста».

Въ концѣ концовъ отъ вліянія славянофиловъ и Леонтьева у Розанова остается только одно, — преклоненіе передъ православною церковью и, главнымъ образомъ, передъ внѣшними формами церковности, передъ ея бытовою стороною. Но одновременно нѣ страстно возстаетъ противъ Основателя христіанской религіи.

Розановъ вступаетъ въ фазу христорчества, борьбы противъ основныхъ началъ, возвыщенныхъ Христомъ, и даже противъ самой Его личности. «Сладчайшій Исусъ далъ міру горькіе плоды», «въ Христвъ — прогоркъ міръ», «Онъ — представитель не солнечнаго, а луннаго свѣта, безжизненнаго, безотраднанаго», «Онъ явилъ вселенной «Темный ликъ». Идеалы аскетизма, отреченія отъ «міра сего» во имя «жизни будущаго вѣка» Розановъ съ злобой и раздраженіемъ отвергаетъ, не пріемлетъ. Онъ съ пламенной энергіей проповѣдуетъ «жизнь пола», семейный бытъ, такой общественный укладъ, который далъ бы челоуѣчеству «царство Божіе» не за гробомъ, а здѣсь, на землѣ. Онъ весь проникнутъ и очарованъ библейскою поэзіей, бытомъ іудализма, его мирными идеалами безгосударственной трудовой семейственности.

Признаніе церкви, отрицаніе Христа — вотъ краткая формулировка міровоззрѣнія Розанова въ періодъ первой русской революціи.

Христіанство безъ Христа, царствіе Божіе на землѣ — развѣ не чувствуется въ этомъ одинъ изъ коренныхъ догматовъ социалистической вѣры? И, однако, самый социализмъ Розановъ отрицаетъ всѣми силами...

Но вотъ «облетѣли цвѣты, догорѣли огни» русской революціи 1905—1906 г.г., и мягкая, податливая русская душа Розанова качнулась явственно вправо, выѣстъ съ качаніемъ всего русскаго общественнаго мятляка. И онъ, поклонникъ еврейства, горячій апологетъ, его идеаловъ, выступилъ теперь въ роли его врага, поддерживавшаго кровавый наветъ на евреевъ въ отвратительные дни Бейлисовскаго процесса. Но какъ это ни странно, и въ эти дни его интеллектуальная душа не отказывалась восхищаться евреями, онъ все время продолжаетъ твердить, что они «слишкомъ культурны», что они безупречно «честны», трудолюбивы, талантливы, заслуживаютъ всякаго уваженія (см., напр., «Уединенное», «Опавшіе листья», — 1912, 1913, 1915 г.г.)...

Въ эту эпоху реакціи Розановъ какъ бы примиряется и съ Христомъ и съ сущностью христіанства. Свое прежнее «язычество», христорчество онъ склоненъ объяснять

тѣмъ что онъ былъ «очень счастливъ» въ годы своей зрѣлости.

«Могу ли вернуться къ язычеству, къ мечтамъ о раѣ на землѣ?» — спрашиваетъ онъ себя.

«Если-бъ совсѣмъ выздоровѣть и навсегда здоровымъ могъ быть», — отвѣчаетъ онъ...

Кровавые ужасы истекшаго года русской жизни, вся та мутная, грязная тѣна, которую подняла со дна жизни «великая» руссійская революція, всѣ грозныя и бурныя событія современности ярко отразились въ тоненькихъ розановскихъ брошюркахъ. Они смыли съ его души всѣ его прежнія тускляя попытки примириться съ «порядкомъ вещей», съ христіанствомъ, съ Христомъ...

И опять обнажилась его полная противорѣчій русская мятущаяся душа. Вновь мы читаемъ сокровенныя признанія, что «вѣчная исторія и все сводится къ Израиллю и его тайнамъ», что наша церковь никогда не могла понять великой сущности іудализма, всегда третируя евреевъ «въ уничтожительно-презрѣнномъ смыслѣ жидами». Находимъ старыя, хорошо знакомыя намъ у прежняго Розанова, мысли, что русское «Царство насъвозъ прогнило», что оно больше не нужно... Но не нужно и христіанство: «Солнце загорѣлось раньше христіанства, и солнце не потухнетъ, если христіанство кончится».

И съ новою силою онъ яростно борется съ христіанствомъ: «христіанство не космологично», «на немъ трава не растетъ». «И скотъ отъ него не множится, не плодится. А безъ скота и травы челоуѣкъ не проживетъ. Значитъ, при всей «красотѣ христіанства» — челоуѣкъ все-таки съ нимъ однимъ не проживетъ»... «Само въ себѣ и одно — христіанство проваливается, «не есть», гнило, голодаетъ, жаждетъ».

И выступаетъ Розановъ съ проповѣдью новаго Бога — не христіанскаго, но и не іудейскаго, а языческаго Бога — Солнца: «Христосъ далъ хлѣба (пяти тысячамъ народа). Одно изъ величайшихъ чудесъ. Не сомнѣваемся въ немъ. О, нисколько, ни мало, ни іоточки. Но скажемъ: каково же солнце, которое неизреченнымъ тьмамъ народа даетъ хлѣбъ, — даетъ, какъ «по службѣ», по «должности», почти «по пенсіи». Даетъ и можетъ дать. Даетъ и, значитъ, хочетъ дать? У солнца — воля и... хотѣніе? Но... тогда «вааль-солнце»? Вааль-солнце — финикійянь? И тогда «поклонимся Ему»? Ему и его великой м о щ и?».

«Богочелоуѣческій процессъ вымѣщенія Христа потрясается. Онъ потрясается въ буряхъ, онъ потрясается въ молніяхъ. Онъ потрясается въ голодовкахъ челоуѣчества, которыя настали, настаютъ нынѣ... Въ вопіянїяхъ народныхъ. Мы вопіяли Христу и онъ не помогъ... Онъ немощенъ», «Помолитесь солнцу; оно больше можетъ... Христосъ молчитъ. Не правда-ли? Такъ не тѣнь ли онъ? Тайственная Тѣнь, наведшая отошаніе на всю землю».

И даже старое свое очарованіе — православною Церковью начинаетъ отвергать теперешній Розановъ. «Зачѣмъ они звонятъ? Бомъ, бомъ, бомъ. Но уже звукъ пустой»... Съ паденіемъ цезарепализма отлетѣлъ, по мнѣнію Розанова, всякій смыслъ отъ нашей церкви, она стала «горбатая». И хотя «царство» на Руси «насъвозъ прогнило», хотя еще во времена Николая I династія была лишь «плоскій баранъ», запутавшійся въ терновинѣ и уже преуточенный къ закланію», но все таки «царь выше духовенства».

Невозможно въ газетной статьѣ исчерпать всѣ мысли, соображенія, догадки его «Апокалипсиса». Но еще на одной, очень интересной, мысли хотѣлось бы остановитъ вниманіе читателя. Она касается другаго Апокалипсиса — «откровенія» Іоанна Богослова. Эту книгу Розановъ называетъ не христіанскою, а «противохристіанскою». Христосъ этой книги, «съ мечомъ, исходящимъ изъ устъ Его», съ ногами, «какъ изъ камня сардиса и халкедона», «ничего не имѣетъ общаго», — догадывается Розановъ, — съ евангельскимъ Христомъ. Апокалипсисъ Іоанна «требуетъ, зоветъ и ведетъ новую религію. Вотъ его суть». «Тайнозригель такъ очевидно и неоспоримо говоритъ, что челоуѣчество переживаетъ «свое христіанство» и будетъ еще долго послѣ него жить... Апокалипсисъ — судъ надъ христіанствомъ, обличающій его бессиліе... «Евангеліе — книга изнеможеній», «христіанство — не истинно, но оно — не ложно»...

Маленькія книжки Розанова, — большія книги... Онъ неслуханно волнуютъ читателя, и особенно — русскаго и православнонаго.

Ник. Старогинъ.